

[Назад](#) [Вперед](#) [Оглавление](#)

НАШЕ ОБРАЗОВАНИЕ: 2005 (Russian education: 2005)

2. СОВЕТСКАЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА. REMINISCENCES

(2. Soviet school of common education. Reminiscences)

Фарш невозможно повернуть назад

И мясо из него не восстановишь

(из популярной эстрадной песни 80-х годов)

Автор, как и любой другой человек соответствующего возраста, имел возможность (и необходимость) в течение 10 лет присутствовать в советской общеобразовательной школе в качестве ученика и наблюдателя. Еще я вел некоторое время мат.класс, а также наблюдал в течение долгого времени свежеступивших первокурсников в одном из приличных московских вузов.

Та эпоха стремительно удаляется от нас и вместе с этим исчезает память о ее реальностях. Есть много любопытных вещей, которые нельзя разглядеть через официальные и формальные описания, и с этой точки зрения мои наблюдения могут представлять некоторый интерес. В основном, меня интересуют некоторые детали, которые могут быть интересны для оценки современных явлений. Я попытаюсь максимально отстраненно от себя самого издала проанализировать некоторые факты, оставшиеся у меня в памяти.

Сначала мне пришлось по очереди учиться в трех сильно отличающихся друг от друга московских школах. Правда ни одной среднестатистической среди них не было.

Школа в рабочем поселке. 1966

Это был район на окраине Москвы, где был Завод с большой буквы (это слово всеми произносилось с оттенком уважения), много мелких заводешек, а также магазины, столовые, котельные и пр. Впрочем, неподалеку был еще один из самых знаменитых наших «ящиков». В районе были школы получше, но эта была ближайшая и не через дорогу. Выпускники школы в полном составе пополняли здоровые кадры окрестных предприятий. Кажется, к моменту моего прихода в первый класс в школе уже был выпускник, поступивший в институт (вечерний).

По поводу обстановки в школе. Мой однокласник летом после первого класса поджег цистерну с каким-то горючим. Бедняжка получил ожог и "привод". Позволю себе (неточно) процитировать своеобразное высказывание тов. Маленкова: "типично не то что чаще всего встречается на самом деле, а то, что наиболее полно отражает тенденции развития общества в настоящее время". Я не буду утверждать, что каждую субботу после уроков мои одноклассники шли пускать под откос

поезда. Вовсе даже нет, они лишь ходили чистить пьяным карманы. Упомянутый случай был "типичен по товарищу Маленкову", он не выступал из общего ряда, а лишь достойно его завершал.

Расказывали еще, что когда-то какой-то 10-классник, много издевавшийся над младшими, свесился из окна, подошли к нему сзади двое второклассников... Сейчас я не уверен, что это было на самом деле (или было именно у нас), но и в качестве романтического сказания это не лишено характерности. Нашей атмосфере былина соответствовала.

Я верю, что какие-то учителя ставили перед собой какие-то положительные задачи и как-то их решали. Но первой задачей было удержать буйную вольницу в повиновении.

Я провел в этой школе 13 учебных месяцев и наблюдал три попытки решения этой задачи.

УЧИТЕЛЬНИЦА ПЕРВАЯ МОЯ. Мне пришлось видеть это собственными глазами, впоследствии я (в Советское время) никогда и ни от кого не слышал ни о чем подобном.

Для поддержания порядка Она первоклассников лупила, таскала за волосы, кидала в них разными предметами. Порядок был. Почти все были отличниками. Самые плохие результаты были у вашего покорного слуги, а также у будущего поджигателя. По-видимому, и он тоже выделялся из общей массы.

После первого класса Она ушла. Возможно, что "по собственному желанию", но маловероятно, что по собственной инициативе.

НЕУДАЧНИЦА. Наша школа вообще была, как сейчас принято выражаться, "экстримом". Но мой класс после предыдущей учительницы был "экстримом в экстриме". Хотя он был и второй.

И вот к нам приходит «девочка» (кажется, тогда говорили так, сейчас выражаются "барышня"), только что закончившая институт. С задачей удержания порядка она не справилась. Успеваемость (почему-то) упала. Родители были этим не довольны. В конце года она ушла. Провал был полный. С любой разумной точки зрения.

Только... Я много лет спустя не могу оценить ее как профессионал профессионала. Но знаю, что я был для нее отдельной задачей, которую она решала параллельно с другими. И идея, что я зря отсидел в школе во втором классе, мне в голову никогда не приходила. Она же советовала моим родителям забрать меня из этой школы. Что вскоре и было сделано. И, кстати, меня охотно (на следующий день после разговора со мной) взяли в «хорошую школу» посреди третьего класса, хотя никакого набора не было; и был я там на своем месте.

УКРОТИТЕЛЬНИЦА. Наконец, мой класс обрел то, чего он заслуживал. Я опоздал в школу на 2 недели, и самого интересного не видел. Все уже сидели с кляпом во рту

и руки по швам. Происходившее на доске было непонятно и неинтересно. Предлагавшиеся примеры по арифметике я вроде умел решать и раньше. Но мне все равно было непонятно. Еще мудреней оказалось с "обстоятельствами места действия" которых было много видов, и их было жизненно важно уметь различать под гипнотизирующими взглядами грозной всемудрой учительницы.

Теперь взгляд профессионала 35 лет спустя. За последующие 8 лет обучения в школе я видел много учителей, которые мне могли бы не нравиться по самым разным причинам. Были люди не знакомые со своим предметом, были глупые, были психически не уравновешенные. В каждом классе попадался учитель, недолголюбивавший лично меня. Были люди, реализовавшие свои личные амбиции лидерством среди школьников. Но все это было как-то архаично и по-домашнему. Здесь, единственный раз за время обучения, мне попался хороший профессионал, который обучая, не имеет цели чему-нибудь научить.

Я вернусь к этой проблеме позже.

Еще забавно. Я в первый раз имел возможность наблюдать, как паства выбирает себе пастыря.

Экспериментальная школа

Кажется, на вывеске следующей школы было слово "экспериментальная", и, кажется, были слова "академии пед. наук". Туда надо было ездить на автобусе, потом на метро, но в те времена третьеклассник мог спокойно это делать сам. Половина моих одноклассников тоже ездили в школу на метро, а то и на электричке.

В этой новой моей школе учителя были хорошие (ну не все, но в общем), ученики, в общем тоже.

Количество уроков, кажется, было таким же как в обычной школе, а если и превосходило его, то незначительно. У большевиков на этот счет были жесткие ограничения, и количество уроков медленно возрастало от четырех (может даже от трех) в начальной школе до 6 в 10-ом классе. По-видимому, отдельным школам разрешалось небольшое превышение нормы.

Помню, что в той школе я добросовестно делал домашние задания, но много времени это не отнимало. Эти задания не могли помешать ни чему иному, что я хотел бы делать, и с другой стороны иные занятия не мешали домашним заданиям.

Возможно, здесь есть какая-то абберация зрения, например, математика мне всегда давалась легко, а наверно так было не со всеми. Но я не верю, что объемы были большие. Например, сейчас у школьников, при решении математической задачи, главное ее "правильно оформить". Разумеется, мы решения "оформляли", но мороки с этим не было. И вообще чистописание в его разных формах развито было слабо.

Учителя позволяли себе странные выходки. В какой-то момент, когда болела учительница математики, нам читали вслух отрывок из только что вышедших "Рассказов о множествах" Виленкина. Там какой-то Лемовский звездолетчик поселился в гостинице с бесконечным числом номеров. А на географии вместо того, чтобы все время проходить программу, нам иногда читали вслух отрывки из записок капитана Головина и капитана Невельского.

Обязательной учебной нагрузки в школе вне сетки уроков не было. Были правда классные часы, какие-то пионерские тусовки, изредка субботники и т.п. В том раскладе это было скорее общественным развлечением.

Временами появлялись и исчезали какие-то факультативы. Если очень хочешь, то ходишь. Например, Учительница с титулом "заслуженной" исполняла какое-то время факультатив по математике. Я в конечном счете предпочел константиновские кружки, и думаю, что был прав. Но при этом подтверждаю, что факультатив был полезен и осмыслен, и исполнялся хорошо.

В общем, была идиллия советской общеобразовательной школы.

ЭКСПЕРИМЕНТЫ В «ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ШКОЛЕ». Кстати на нас ставился эксперимент с колмогоровскими учебниками (школа была "экспериментальной"). У нас была хорошая "математичка" и неплохой по уровню класс. Колмогоровский учебник (пригодный лишь на то, чтобы быть книгой для чтения при реальном учебнике) был успешно прокатан, и, по-видимому, наверх пошел соответствующий отчет. Наверно, он был прокатан еще в каких-то школах, подобных нашей. То, что подобный эксперимент --- очевидная абберация зрения, тогдашним министерским чиновникам в голову не пришло. Массовый учебник должен работать и в условиях, отличных от идеальных.

Но не надо забывать забывать, что тогда было еще время подъема (а не упадка, как сейчас), и была идея, что уровень образованности населения будет и дальше расти. Люди еще были оптимистами.

Недавно вариант той же ошибки был повторен с зенковской программой для младших классов. Сами по себе эти учебники представляют из себя любопытный памятник разуму, но при этом они исходят из того, что учитель вполне понимает идеи автора (в общем разумные), а не букву написанного текста.

Но осуждая людей, делавших ошибки, нельзя забывать про ситуацию с лоббированием современных учебников, которая в понятие "ошибок" уже не укладывается.

СТАРШИЕ КЛАССЫ. Их я не видел. Там предлагалось "углубленное изучение" по трем разным направлениям (на выбор школьника), не помню каким, и проводился большой дополнительный набор. Степени эффективности этой части системы я отследить не могу.

Мои бывшие одноклассники, рассказывали забавную вещь. Я тогда воспринимал ее как необычную (и возмутительную), что показывает, что это явление тогда еще было относительно редким.

В школе завелся "хороший учитель истории", который начал заставлять всех учить эту самую (уж не знаю какую) историю сверх всякой меры. Рассказчики объясняли, что он всех замучил и они проводят за этой историей бездну времени, но при этом относились к нему с большим почтением.

Мне казалось, что "плющить" историей (как в прочем и математикой, физикой и т.п.) можно лишь людей, которые в явной форме выразили к этому желание. А все остальные люди должны проводить свое свободное время так, как сочтут нужным они, а не учитель истории.

Я не могу сказать, что мне попадалось недостаточно хороших учителей в нормальном смысле этого слова, которые неплохо учат всех и способны "давать" больше тем, кто этого бы хотел. Но не тех, кто старается "самовыразиться" и не дать жизни другим ради своего предмета. Разумеется усилия такого рода обычно безрезультатны в положительном смысле этого слова. Но отрицательных результатов в разных видах достигнуть удается.

Математическая школа

В Москве того времени было 6 или 7 «математических школ», которые признавали друг за другом этот статус. (возможно было еще несколько других, ошибочно считавших себя таковыми).

Был Колмогоровский интернат (для иногородних), была 2-ая школа, остальные 4 школы входили в т.н. Константиновскую систему. Сама эта "система" (которая не существовала ни на какой бумаге) была многолика, и мат.школы были лишь одним из ее проявлений.

КОНСТАНТИНОВСКАЯ СИСТЕМА В МАТ.ШКОЛЕ. К обычным школьным предметам был добавлен еще один, с условным названием "мат.анализ". Вела его веселая компания из 4-6 молодых людей (обычно студентов или аспирантов), которые и набирали класс, исходя из своих взглядов. В принципе мог быть кто-нибудь постарше (например, Константинов Николай Николаевич лично). У нас постарше остальных был Женя по кличке Крокодил.

Все эти люди одновременно находились в классе и одновременно беседовали со школьниками. Кроме того, незадействованные в данную минуту школьники могли свободно говорить о предмете, а также, под общий шум, о чем угодно. Последнее не одобрялось, но было неизбежным.

В начале занятия школьникам предлагались отпечатанные на папиросной бумаге под копирку "листочки" с задачами. Их предлагалось решить и сдать (иногда устно, иногда письменно, это техническая деталь). Далее весь урок проходил в их сдаче. У доски задачи не разбирались, и более того, у доски вообще ничего не происходило. Задачи соединялись в циклы, которые давали возможность медленного самостоятельного продвижения по теории. У школьника возникала иллюзия, что он придумывает теоремы сам.

Возрастная разница между студентом и школьником не так уж велика, и сдача решения могла превращаться в своего рода честный интеллектуальный поединок, в котором студент как мог играл в кошки-мышки, но у школьника тоже были возможности поразвлекаться в ответ. И "студенту", который играл в такие игры впервые, играть было еще интересно.

За три года изучения "мат.анализа" успешно проходила программа мехмата по мат.анализу за 1 месяц (не полностью). Еще развлекались с элементарными задачами.

Так что "знаний" никто не "давал", да и "приобреталось" их не так уж много.

Но что же приобреталось?

Во-первых, умение думать и интеллектуальная инициатива. Ну скажем, потом, увидев математическую теорему, первая реакция человека, прошедшего данную выучку, было доказать ее самому. Сопровождаемая уверенностью, что это будет сделано. В этом есть и минусы, но достаточно разумный человек в последующей жизни мог эти минусы погасить.

Во-вторых, приобреталась привычка к точному мышлению. Способность отличать верное обоснование от неверного. Способность находить ошибки в рассуждениях, и заделывать «дырки». Способность самостоятельно обнаруживать, что самоочевидные высказывания могут быть неверны.

И то, и другое могло быть полезно человеку, независимо от того пришлось ли ему в дальнейшем иметь дело с математикой или нет.

Чего не было.

Не было никаких элементов подготовки к вступительным экзаменам. "Студенты" считали, что они учат природе вещей, и сама идея помогать в низменных жанрах показалась бы "студенту" оскорбительной.

Мат.школьники ходили на математические олимпиады. Этот жанр считался высоким. Но идеи готовить школьников к олимпиадам опять-таки не было. Потому что спорт -- спортом, а наука -- наукой.

Разумеется не было никакой "помощи" (в современном, а не тогдашнем смысле этого слова) в решении трудных задач. Сама такая идея тогда показалась бы дикой. "Студенты" работали (развлекались) бесплатно.

Проблема балласта. Она есть всегда, но по небольшом размышлении легко понять, что при описанной выше "системе" она не страшна (конечно, если класс не состоит из балласта).

Константиновской системы сейчас не существует и реанимировать ее нельзя. Но то, что выше описано, пример того, что совсем нестандартные, и даже кажущиеся "дикими" с точки зрения ортодокса образовательные конструкции, на самом деле могут оказываться самыми эффективными.

Есть довольно много людей враждебно относящихся к тогдашним мат.школам и их выпускникам. Я понимаю их точку зрения, но от обсуждения воздерживаюсь; цели данного текста ограничены.

ОБРАМЛЕНИЕ. Понятно, что наряду с т.н. "мат.анализом" была обычная школьная математика (алгебра/геометрия). Она велась по обычным тогдашним учебникам и программам (Киселев, Рыбкин, и т.п.) учителем из этой школы. Так как аудитория была лучше средней, то реально в пределах стандартной программы проходило больше и лучше, чем обычно. Смутно помню, что очень подробно проходились геометрические преобразования.

Следует подчеркнуть -- отсутствие экстремизма. И сам Учитель это подчеркивал. Но учил хорошо.

Остальные предметы велись скорее хорошо, чем плохо. "Хороших учителей" типа упомянутого выше «историка» не было. Кроме того, обучение имело своей целью обучение, эти странные слова являются содержательным высказыванием. см. обсуждение этого предмета ниже.

Говорить, что экстремизм вообще не допустим – само по себе есть проявление экстремизма. Но человек, в экстремизм впавший, чаще всего заменяет здравую самооценку иллюзией успеха. Мне же, по-видимому, повезло, и экстремистов от образования я на своей шкуре не испытывал.

Философствования

ЗЛОДЕИ И ОБЛИЧИТЕЛИ. Когда обществу нечем похвастаться в настоящем, а будущее выглядит безнадежным, оно начинает заниматься перестройкой своего прошлого. Есть два основных варианта. Один -- очернить прошлое настолько, чтобы пройденный длинный путь упадка выглядел бы прогрессом. Другой -- найти в прошлом источник света, который бы согревал нас в печальном настоящем. Достаточно пойти в "Библио-глобус", по очереди пересмотреть изданные там исторические книжки, и убедиться в том, что у нас было два совершенно различных прошлых.

Очень часто приходилось и приходится слышать в разных вариантах, что Советская Власть зажимала творческих людей. Обилие такого рода показаний, а также высокий статус их авторов (и в бывшем Советском Союзе и на Западе после переезда) как будто делает их бесспорными.

Представим в себе, что ночью в пустынном лесу происходит бесшумное убийство. Представим себе, что несмотря на это, следствие находит очевидца, наблюдавшего все это из-за ближайшего куста. Больше того, таких очевидцев находится сто человек. Да откуда же они взялись? Чего они под кустом делали? Как они там поместились? -- спросим мы.

Само обилие "зажатых" (к которым надо еще добавить тех, кто речей о зажимании не произносил) заставляет усомниться в истинности их высказываний. Особенно если сравнить с настоящим временем, когда никто никого не зажимает. Конечно, налицо было недовольство заметной численно и "общественно значимой" социальной группы (или групп). Конечно, это недовольство имело основательные причины. Но только представители этих групп со всеми их достоинствами (как и

недостатками) были такими же продуктами и деятелями той эпохи, как, скажем, какой-нибудь редактор журнала «Коммунист», или, например, худший из секретарей. самого высокого в мире обкома.

Среди "ста лжесвидетельствующих" достаточно людей, делающих это искренне, и это заставляет думать, что они хотят скрыть что-то неприятное и от других и от самих себя. Это само по себе свидетельствует о каком-то кризисе внутри высокообразованного сообщества, и по-видимому лжесвидетельствование отчасти направлено на желание скрыть какие-то черты этого кризиса

Надеюсь, что на эту тему сказано достаточно.

Несмотря на внешнюю незыблемость марксистской фразы, Советская эпоха была очень неоднородной и во времени и в пространстве. И вопреки расхожему мнению, она была полна контрастов и конфликтов, только может не в тех плоскостях, где их ищут (и успешно придумывают).

Советское образование высокого уровня была одной из сильных положительных черт эпохи. Мне много приходилось говорить с западными интеллектуалами, и память о блеске советской науки там (но не здесь) еще жива. Отчасти с этим связаны остатки уважения к нам, которые сохраняются во внешнем мире (это пройдет, и мы это еще почувствуем). Люди постарше еще помнят интеллектуальный вызов 1957 года и соответствующую перестройку системы ценностей у западных образованных слоев.

«СРЕДНЯЯ ШКОЛА». МИНУСЫ, ОНИ ЖЕ ПЛЮСЫ. Слово «средний» в русском языке двусмысленно, и по поводу советского «среднего» образования много язвили (а может и до сих пор язвят).

Да, советская школа в целом слабо напоминала идиллию.

Прежде всего отнюдь не идиллично детское общество вообще (и оно, может, даже по своей природе хуже, чем общество вообще). Это печальное обстоятельство неизбежно прорывается через любую "систему" (страшней всего для учителей были девичьи классы времен раздельного обучения).

Далее, когда учительство становится массовой профессией, заполнить все должности людьми необходимого интеллектуального, образовательного и нравственного уровня просто нет возможности.

Не все учебники были удачны. Например, у большинства (я не исключение) оставил тягостное воспоминание учебник литературы с его "образами Евгениев Онегиных", а также школьные «сочинения». Не будучи экспертом в данном вопросе, я не могу рассуждать насколько сие литературное зло в школе было неизбежно. У учителей была какая-то безумная отчетность, я с этим не сталкивался, описать не могу

И все-таки, где же были плюсы?

Во-первых, плюсом было жесткое внешнее ограничение общей учебной нагрузки. И соответственно жесткое ограничение по любому отдельному предмету.

Я видел много людей, которым казалось, что их чему-то учили недостаточно. Им почему-то не приходит в голову, что снятие жестких рамок повлекло бы...

1. увеличение нагрузки по не столь желанным предметам (коих большинство),
2. Еще хуже: увеличение объема того предмета, который сейчас кажется желанным, как раз могло бы отбить охоту. Кстати, про себя я уверенно могу сказать, что математика в исполнении современной хорошей школы вызвала бы у меня ненависть.

Можно гадать, откуда взялась идея ограничения. Возможно, она просто исходила от разумных людей. Возможно, власти исходили из идеи разумных медицинских ограничений. Возможно, была идея оставлять (насколько это возможно) всем людям равные возможности по окончании школы.

Любопытно, что как раз разумность и умеренность решения вызывали озлобление у людей, вроде бы разумных.

Вторым минусом была наша отсталость. Да, сначала мы были впереди передового человечества и провозгласили идею «коммунистического воспитания». Но до Мангейма мы не доросли, и при всех «ритуальных танцах», наше образование в своей основе было образованием в архаичном смысле, о котором я писал выше.

На этом (логически неудачном) месте я обрываю данное обсуждение.

Вокруг школы

ЛОВЦЫ ДУШ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ. Было очень много кружков для школьников (их много и сейчас) с самым широким спектром, от фигурного катания и выжигания лобзиком до константиновской системы (первых хватает сейчас, а вот последнего нет). На расстоянии 500 метров от моего дома было два заведения с многочисленными работавшими кружками [насколько из этого можно выводить статистику, я не знаю, но до какой-то степени можно]. Я куда-то тыкался, но это настолько меня не привлекало, что даже не помню, о чем шла речь. Помню, что среди кружков было много разного рукоделия, вроде авиамодельного кружка. По идее, для рабочего района это могло быть неплохо; мужики, умевшие работать руками, и которые могли бы этому поучить, у нас там были. Но могло быть неплохо или было, я не знаю. Во всяком случае, кружки работали, и дети (по состоянию на конец 60-ых годов) туда ходили.

В Москве (не знаю, как в других местах), можно было найти и кружки научного направления высокого уровня. Конечно, надо было искать, но уровень шума тогда был невелик, и найти было можно.

Я в итоге попадался в две сети. Во-первых, был биологический кружок при Дарвиновском музее, который вел Смолин Петр Петрович. Забавно, что в дальнейшей жизни среди образованной братии мне попадалось неожиданно много людей, которые этого Смолина помнили (хотя при моей профессии этого бы быть не должно было). Что заставляет задуматься о роли одиночек в мире, где крутятся монументальные шестереночные колеса.

Что касается, внешней организации кружка, то ее тоже забавно вспомнить. Занятия происходили в гардеробе Дарвиновского музея, или в Зоомузее на какой-то колеснице с 6-метровым выдвигным столбом (ее основным назначением была смена лампочек на высоком потолке).

ЕЩЕ РАЗ О КОНСТАНТИНОВСКОЙ СИСТЕМЕ. Вторая сеть была константиновская система, о которой я уже писал. Наряду с мат.школами, она включала мат.кружки, базировавшиеся в Университете, а также в разных иных местах, появлявшиеся и исчезающие, математические олимпиады, а также некоторые летние мероприятия. Рабочей силой были молодые люди (в основном, студенты и аспиранты), чаще всего окончившие мат.школы. Оплаты труда не было. Времени и сил деятельность такого рода отнимала не так уж мало, но тем самым и того и другого у людей было в избытке. Правда развлечением (лучшим, чем многие другие) и до определенной степени самообучением это тоже было.

Я сам сотрудничал там лет 6-7, пока не надоело. Последняя оговорка довольно важна. Как известно, "профессиональный преподаватель --- это человек, который накопленную за долгие годы ненависть к предмету, ненавязчиво, но успешно передает слушателям". В "системе" профессиональных преподавателей не было. В любом деле непрофессионализм может быть опасен, но в плохо формализуемом деле преподавания профессионализм бывает опасен в неменьшей степени. Отчасти с этим связана точка зрения, еще не изжитая на Западе, и одно время процветавшая у нас --- что вузовский преподаватель должен заниматься т.н. "научной работой". Это дает ему больший круизор и способность к самообучению, а кроме того делает его профессию не вполне преподавательской. Кстати, и вузовские начальники в те времена стремились иметь в качестве «совместителей» людей, занимавшихся реальной деятельностью.

Для достаточно деятельного человека естественно стремиться к развитию. Профессия учителя, к сожалению, не всегда дает действительные возможности для этого.

К вопросу об отрицательных чертах преподавательского профессионализма я еще вернусь.

Перед тем, как заняться ведением класса, я получил «инструктаж». Константинов достал со своей книжной полки том "Брокгауза и Ефрона" (тогда это была большая редкость) и дал почитать статью "Укрощение зверей". Там все очень правильно написано (всем советую изучить), и на этом моя собственная теоретико-методическая подготовка раз и навсегда закончилась.

Одна из идей этого «самоучителя» была в том, что человек, входящий в клетку с тигром, должен чувствовать свое абсолютное превосходство. Разумеется, очень легко превосходство продемонстрировать. Но тигр-то легко различит истинное наличие чувства превосходства и демонстрацию этого... Сам Конст мог отлично управлять шумящей аудиторией скажем человек в 300. Конечно, это зависит от аудитории. Но думаю, что "профессиональному преподавателю" такое и в страшном сне не приснится.

Отмечу две забавные черты этой <константиновской системы> «системы».

Во-первых, удавалось найти положительное применение энергии молодежи. Может я ошибаюсь, но общества последних десятилетий этой энергии боятся, и сознательно или бессознательно пытается ее нейтрализовать.

Во-вторых, по поводу общей конструкции мат.школы константиновского типа. Была обычная математика, с обычной <требовательностью>школьного типа. И был предмет, формально обязательный, На котором от человека хотели многого, Но контроль, как таковой, был минимален.

С середины 70-х годов мех-матский партком начал поход против Константинова. Как можно, чтобы какой-то самозванец учил людей математике, в обход всякого порядка? «Конст» по этому поводу бодро говаривал: «Нельзя всюду навести порядок, как нельзя все заасфальтировать».

Можно было на время вытеснить константиновских людей с кружков «при мехмате». Но вскорости все школьники перетекали на мат.кружки, которые откуда-то самозаводились на каком-нибудь «химфаке»... Постепенно Константинов был оттеснен с московских математических олимпиад, (что было печально). В ответ на это откуда-то появились «Турнир имени Ломоносова» и «Турнир городов».

Уже позже откуда-то появился Московский Независимый Университет, Конст обеспечил этому учреждению начальную организацию, но собственно постановка математического обучения на этом уровне уже не входила в его компетенцию. И вряд ли это вышло так, как ему бы хотелось.

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ. Тридцать лет назад в каждом московском книжном магазинчике был отдел научно-технической литературы, преимущественно научно-популярной и образовательной. Литература недорогой, как правило, невзрачно изданной, в среднем неплохой по сути (а часто и хорошей). Это был важный положительный элемент жизни, дополнявший формальные образовательные структуры.

Сейчас такие отделы тоже бывают, но основная часть того, что видишь (кроме учебников) относится к двум жанрам – материалы для подготовки к экзаменам (преимущественно вступительным) и красочные издания вроде «оксфордских словарей». Экзаменационную индустрию я обсуждаю ниже. А «обобщенные оксфордские словари» (охотно раскупаемые в качестве подарков, да и просто так) -- это кладезь ценных знаний, вроде того, какая рыба самая длинная, какой таракан самый ползучий, из чего был сделан щит викинга и т.п. Наверно сообщаемые сведения в большинстве своем правильны, но только ни к какой «науке» это отношения не имеет.

Потому что наука, как запас сведений о мире, -- это не сарай с ветхим хламом, а логическая структура. А наука (как, впрочем, и инженерия), как род деятельности – это поиск со всеми присущими ему ошибками и сомнениями. Архаичная научно-популярная литература отражала все это; рассказывая об истории мысли, поисках истины, логических связках, красоте природы, она и сообщала человеку основы соответствующих наук, и учила человека думать.

Сейчас пытающийся найти разумную популярную книжку в магазине, должен перелопачивать горы макулатуры вышеописанного типа. И, как правило, этот человек плохо понимает критерии отбора...

Здесь не место обсуждать, почему так получается, я только фиксирую точку зрения, что положительный некогда элемент жизни во многом заместился отрицательным, и что значительная часть современной «научно-познавательной» литературы исполняет анти-интеллектуальные функции.

Удивляет скорее то, что издается (действительно издается, и надо с благодарностью относиться к пишущим и издающим) чего-то приличное; хотя найти это можно, обычно после поисков, обычно лишь в немногочисленных приличных магазинах, вроде Библио-глобуса, Молодой Гвардии или магазина Независимого Университета.

Советская школа в отраженном свете: 1986.

Через восемь лет после окончания школы я, в качестве "начинающего преподавателя", пришел работать в вуз. Прошла еще пара лет, когда я увидел выпускника школы в его достаточной и неиспорченной вузом красе. А именно мне наконец попала дневная группа первого семестра с какой-то специальностью, на которую был конкурс меньше 1. Думаю, что мои подопечные все же представляли верхнюю часть спектра выпускников московских и подмосковных школ. Например, они шли в приличный вуз.

Я был вежливым и мягким (может быть внешне) молодым человеком, не повышавшим голоса на учеников, не тюкавший их по мелочам, и не делавший многих иных действий, которые лень перечислять.

Оказалось, что новопоступившие студенты подобного языка просто не понимают. В частности, они не представляли себе, что угроза может быть сказана вежливо. Можно было поэкспериментировать и повысить голос: это действовало. Очень легко было просчитать, к чему они привыкли в школе. Почти все. Еще было ясно, что они привыкли к чрезвычайно мелочной опеке и контролю.

Я как будто должен был этих людей учить математике. С дисциплиной на самом деле было просто. Через три недели мои подопечные с большим и нескрываемым удивлением обнаружили, что я не испытываю страха за их успеваемость. Вслед за этим я, с удивлением (хотя и недемонстрируемым) обнаружил, что человеческий язык общения вдруг стал вполне понятен для моих подопечных. Надо однако же оценить, в каком положении находились в школе их учителя...

Но других проблем это не решало. Я (что впрочем было ясно и заранее) столкнулся с двумя обстоятельствами. Сейчас я опишу свои общие впечатления от только что поступавших первокурсников за 1984--1989 годы.

1. Было впечатление, что люди, поступившие на инженерно-технические специальности были совсем или почти не знакомы с математикой за 9-10 классы. Математику с за 1-8 классы они в общем знали, хотя большинство с изрядными дырками (ну, скажем, сложение дробей).

Официальная установка у нас была такая: надо их незаметно доучивать (никуда от этого не деться). Но если немного подумать, ясно, сколько в этом минусов.

Поступившие на специальность «прикладная математика», напротив, знали программу 1-8 классов хорошо. Они даже знали многое за 9-10 классы с одной крайне неприятной оговоркой, которая обсуждается чуть ниже.

2. Некоторые объекты вызывали у поступивших устойчивую ненависть и отвращение, скажем, слова "модуль" или "синус". Если честно, то вина в этом лежала на вузах, а не на школах.

Казалось бы, что может быть проще модуля числа (абсолютной величины). Однако при одном виде "модуля" студент начинал делать ошибки. Дело в том, что индустрия вступительных экзаменов взяла на вооружение задачи с "раскрытием модуля". Задачи, извращенные и никому не нужные с точки зрения собственно математики, эстетически отвратительные с точки зрения школьника, и ничему не обучающие, кроме ценного умения "раскрытия модуля". У этих задач было и остается два достоинства: таких задач можно много придумать, и в них есть много подлянок (т.н. "подводных камней"), что очень ценно для соответствующей индустрии.

Преодолевать уже созданное отвращение труднее, чем незнание. Удивительно, что в течение десятилетий вузовские "математики" не хотели видеть этой реальности.

3. Отсутствие у поступавших студентов трехмерного воображения. Причем у студентов всех специальностей, "хороших" и "плохих" На первый взгляд может показаться странным, но способность видеть предметы отлична от способности воображать их и представлять их взаимное расположение, не наблюдая их непосредственно.

Мы могли с большим или меньшим успехом, но удовлетворительно читать курсы математики, пока не доходили до сюжетов, зависящих от этого самого воображения. Потом наступал мгновенный и полный крах. Из года в год. Думаю, что это в той или иной степени аукалось и на разных нематематических (естественно-научных и инженерных) предметах.

Надо сказать, что достаточно замысловатая работа руками (плотник и т.п.), способствует развитию этого самого воображения. И в этом смысле работающий крестьянский мальчик из лесной области 100-летней давности скорее всего сильно превосходил хорошего выпускника современной хорошей школы.

В советской школе эпохи ее расцвета соответствующую функцию выполнял (дореволюционный) учебник "Стереометрия" Киселева. Учебник не простой, но, судя по его долголетней живучести, реалистичный. Далее начался общий кризис школы, и, как назло, на него наложилась неудачная реформа математических учебников. Стереометрия "пала первой жертвой" этих процессов.

Еще более ухудшила дело индустрия вступительных экзаменов. По традиции, самой сложной задачей варианта по математике была задача по стереометрии. И первое правило для любого абитуриента было: за стереометрическую задачу не браться! Так стереометрия лишалась еще и "рыночной стоимости" при подготовке к экзаменам, и "учить" стало противопоказано.

Казалось бы, чего бы стоило ввести в вариант вступительного экзамена наоборот очень простую стереометрическую задачу. Но характерно, что за 30 лет создаваемого всеми сползания вниз это (кажется) не было сделано ни одним вузом. Факт, если вдуматься, очень забавный.

Школа времен Застоя

Шестидесятые годы были временем наивысшего подъема нашего образования. Следующие 35 лет оно медленно ползло вниз, обнаруживая однако способность к упорному сопротивлению под ударами обстоятельств, омаразмевших коммунистов и вдохновенных либералов.

Задумываясь о школе того времени, необходимо помнить об условиях в которых должен был существовать сильный деятельный человек того времени (1968 -- 82+84 годы)

... Кричат загонщики и лают псы до рвоты

Кровь на снегу и пятна красные флажков

Непосредственным наблюдателем школьного кризиса времен поздней Советской власти я не был, и то что я пишу ниже, --- лишь размышления над тем, что было видно боковым зрением.

ВСЕОБЩЕЕ СРЕДНЕЕ. В 1959 году была введена обязательная "восьмилетка" (до этого была семилетка). По окончании 8-ого класса многие люди покидали школу, одни добровольно, другие -- нет. Конечно, если ввести такое сейчас, то был бы честный или скрытый аукцион на места в 9-ом классе. В принципе можно было бы приставить к каждому учителю кристально честного ФСБ-шника. Но и тогда очень сомнительно, что отбор будет вестись по положительным качествам.

Конечно, мир 60-ых годов не отличался сверхразумностью и сверхпорядочностью. Но надо помнить, что XXI век был еще далеко, и обсуждаемая задача допускала относительно разумные решения.

Как будто, человек без образования не выбрасывался из жизни: профессия рабочего ни правящими кругами, ни обществом не считалась унижительной, зарплату за нее платили. Кажется, какие-то возможности для небольшой карьеры тоже были.

Далее, для окончивших 8 или 11 (позже перешли к 10-летке) классов существовал большой спектр разнотипных учебных учреждений, основная часть которых имела профессиональную направленность. По моему, это интересная деталь--- наличие замысловатой ветвящейся образовательной структуры вместо позднейшей унифицированной системы типа школа --- вуз.

Так или иначе, образовательный уровень населения рос, и казалось, что так будет продолжаться и дальше. Наверно, это и на самом деле могло бы быть так.

В 60-70 годы был проведен "постепенный переход ко всеобщему среднему образованию". Я склонен думать, что те, кто это решение принимал, верили, что так можно поднять образовательный и гражданский уровень населения.

Мне однако представляется, что это было рискованное решение, с возможностью отрицательных результатов для образования (что, по-моему, можно было предсказать), и трудно просчитываемыми социальными последствиями.

Да, большим благом было созданная большевиками возможность образования для всех, в том числе для детей из необразованных слоев (в целом разумна была и идея дополнительной поддержки таких детей). Благом (а частично и необходимостью) была и обязательность школы.

Так что могло быть плохого от увеличения срока пребывания в школе? А в том, что здесь происходит подмена понятий: учить всех желающих и учить всех --- вещи разные. Как всем известно, есть много людей, которые "учиться" не могут и/или не хотят.

Наверно верно, что желание учиться, в целом, является добродетелью. И это заложено в генетике человека, иначе разум как таковой был бы невозможен. Но в нежелании (или неспособности) это делать, особенно в больших дозах и фиксированных формах, как будто нет порока. Бывает, что подобные люди обладают немалыми человеческими достоинствами и полезными для общества качествами (а может и нет, как не обязательно обладает какими-либо достоинствами отличник). Если система образования берет на себя функции "изолятора" для не желающих учиться, то она отчасти теряет возможности исполнять другие функции. И от этой логической связки никуда не деться, каким образом не пытайся ее обойти.

Можно встать на точку зрения "хочешь --- научим, не хочешь --- заставим". Но этого тянет чем-то иным. Как будто, учителя должны были "заставлять" этих "нерадивых" учиться. Но при этом заставлять, не имея к тому средств. Я описывал выше, как по студентам можно было оценить стиль школьного преподавания. Но из того же описания, как будто ясно, в каком положении были их учителя!

Работа школьного учителя --- работа тяжелая. В новом раскладе положение учителя старших классов утяжелялось, а привлекательные черты специальности улетучивались. Работа учителя становилась пугалом для образованных молодых людей (могу зафиксировать как свидетель это обстоятельство примерно на 1980г). А это означало медленную деградацию учительского сословия.

Возможно предпринятые тогда властями действия были отчасти вынужденными. Не знаю. Возможно, что люди, окончившие 8-летку, и их трудоустройство представляли общественную проблему. Я, например, помню, что слово "ФЗУ" использовалось как ругательство в 60-х годах: «не будешь учиться -- в ФЗУ пойдешь». При том, что самих ФЗУ (фабрично-заводских училищ) к тому времени не было. Вряд ли это свидетельство благополучия.

ПРОФОБРАЗОВАНИЕ. В 1969г. большевики преобразовали ПТУ (профтехучилища) в среднеобразовательные учреждения. Вместо 1.5--2 лет, как было до реформы, в ПТУ теперь надо было учиться 3 года. И это должно было соответствовать двум старшим классам школы. Потому что ПТУ-ушники/цы должны были, кроме школьной программы, получать еще и профессиональную подготовку.

Фальшивость такой постановки вопроса как-будто очевидна. Как будто ясно, что такое "среднее образование" должно было быть липовым. Но это полбеды. Молодых людей, полных сил, и отобранных по признаку нежелания учиться, снова "сажали" за парты, только с увеличением срока. Так как отбор проводился по отсутствию положительного признака, то концентрация ряда отрицательных человеческих качеств там должна была быть выше, чем в школе. Например, там был повышен процент людей с уголовными наклонностями, а также людей, склонных в молодости к агрессивному поведению. Мужской части предстояло сразу после окончания обучения идти в армию. Возможно кое-где был и несколько повышен процент "неудобных" людей, которых так не любило наше общество 70-80-ых годов. И всю эту бродящую смесь усаживали на три года в полубезделье просиживать штаны и юбки.

Выглядит страшновато. И репутация ПТУ, в тех кругах, которые я мог наблюдать, была соответствующей. Идея профобразования в обществе была дискредитирована. В эпоху больших перемен ПТУ тихо исчезли. Что в сущности очень печально, потому что вместе с ними почти исчезло профобразование, а на шее у школы повис еще один камень (в дополнение к многим другим новым прелестям). Впрочем, в условиях, когда обществу стала не нужна промышленность, необходимость в ПТУ вроде отпадала сама собой.

Еще о ПТУ и тех, кто в них работал. Одна моя знакомая (я к сожалению не записал в свое время ее рассказов) после распределения столкнулась с жесткой необходимостью быстро сменить место работы. В то время, человек ("молодой специалист"), окончивший вуз, должен был 3 года проработать в месте, куда он распределен. В принципе вопрос о смене места был разрешим, но связан с трудностями, а у Лены не было возможности с этим тянуть. Должность "освобожденного" комсомольского секретаря ПТУ была остродефицитной, и на нее можно было перейти откуда угодно (напомню, что "освобожденный" означало, что у человек официально занимался только комсомольской работой и за это получал зарплату).

"Освобожденных" деятелей периодически отправляли на специальные курсы, где их обучали разным полезным в хозяйстве вещам, в частности технике контроля над толпой. По показаниям Лены, учили хорошо и эффективно. Кстати, это сходится с моими наблюдениями за "комсомольцами".

И вот ее "вызывают" и говорят: "Видите, список из 9 человек. Если их оставить на лето в Москве, то их посадят. Это не нужно ни им самим, ни их потенциальным жертвам. Так вот. Вы берете их и идете в поход по местам боевой славы".

На третий день похода по лесам Калининской области, добры молодцы взбунтовались, и заявили, что никто из них не будет разжигать костра и готовить. "Ладно" -- сказала Лена. К обеду следующего дня костер загорелся.

В те времена по телевизору периодически сообщали: "В этом году комсомольцы Москвы совершили столько-то (много, но не помню порядка величины) походов по местам боевой славы. Найдено...." . Я тогда не мог понять, что эти слова значат, потому что ни о каких реальных "походах" не слышал.

МОЛОДЕЖНЫЙ КРИЗИС. В начале 1970-ых годов правящие круги столкнулись с проблемой молодежи, которая не знает, куда деть свою свободу и свободное время. Задним числом ясно, что это вытекало из смены типа цивилизации, и проблема должна была встать независимо от действий и усилий властей того времени. Хотя эти самые действия отчасти способствовали ее усилению, а в дальнейшем картина обострялась из-за раскручивавшегося в 70-ые годы общественного кризиса.

Я, как наблюдатель, могу зафиксировать (примерно 1970г) появление у нас в районе агрессивных групп молодежи, обособлявшихся от других людей рядом внешних признаков. Один --- характерная прическа: длинные волосы сзади, внизу слегка загнутые назад. Скорее всего, волосы были тщательно уложены. Остановливаясь, они слегка наклонялись вперед со свисающими вниз руками. Их лица я воспринимал, как не относящиеся к Homo sapiens.

Это было давно, и сейчас мне самому естественно задуматься, можно ли доверять моим тогдашним впечатлениям. Ну, во-первых, район был веселый (хотя он не был "плохим" или "опасным" в современном смысле слова, и он отнюдь не был "no-go zone"), и видя впереди группу людей, надо было оценивать, на каком расстоянии можно мимо них проходить. Т.е. определенная наблюдательность была нужна. Спектр окружающих лиц был более разнообразен, чем в Московском Университете, и похоже на правду, что действительно появилась новая яркая линия за границами ранее наблюдавшегося спектра.

Какое дело было большевикам до длинных причесок? Ну, во-первых, длинная прическа была опознавательным знаком определенного движения, а большевики не любили никаких течений и групповых действий вообще. А, во-вторых, прически --- прическами, а вандализм --- вандализмом. А также уголовщина в качестве прикладного вандализма. И последним заинтересовались бы любые власти.

Да конечно, в том мире было многое, что вызывало возмущение. Была и культурная недостаточность, отчасти как результат большевистской политики. Только протест -- протестом, а сознательная деградация -- деградацией. И правда, что туда втягивались временами и неплохие по природе люди (моя зона наблюдений ограничивалась моим районом). Только тем хуже.

Чуть раньше (конец 60-ых годов) на Западе прошли бунты молодежи, которую скорее всего тоже никто не притеснял. Их пытались, с частичным успехом, использовать в своих интересах различные левые движения, в том числе и коммунисты, и им тоже временами пытались придать романтическую окраску.

Я склонен думать (возможно без достаточных оснований), что все эти течения объективно были направлены против свободы, а общественная потребность в ограничении свободного времени людей не могла остаться без удовлетворения (разумеется понятая более широко, чем запрашивалось). Другим последствием было постепенное смещение взглядов на цели образования и цели культуры.

СНИЖЕНИЕ КАЧЕСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ. Люди, получившие образование, в конечном счете шли работать, т.е. оказывались рабочей силой. Снижение качества этой "силы" в течение 70-ых годов было очевидно, и собственно это стояло за тогдашними бесконечными разговорами о молодежи. Вопрос этот был сложный, лишь частично имевший отношение к образованию. Интересно, что в области высшего образования это самое качество тогда еще можно было несколько поднять, без больших усилий и даже с небольшим уменьшением затрат. Ничего похожего предпринято не было.

Кажется сомнительным, что возможны были положительные шаги на уровне школы, но со второй половине 70-ых годов большевики озаботились, чтобы в школе улучшилось общее, коммунистическое и трудовое воспитание. Люди в 15-16 лет не очень любят, когда их откровенно воспитывают. Кроме того, пытаюсь решать предлагаемые задачи, школа выступала в качестве открытой слуги режима, а степень популярности Многоглаголивого Вождя была, мягко говоря, невысокой.

Все эти усилия имели определенный отрицательный эффект, но вряд ли большой на фоне многих иных тогдашних процессов

[Назад Вперед Оглавление](#)